

Сергей Ковалев («Мемориал»)

Я ждал, что меня пригласили сюда не для того, чтобы возобновить какой-то старый спор о дефинициях. Когда мы поговорили с Сережей Давидисом по телефону, то выяснилось, что, вообще-то говоря, никаких разногласий нет. Если только некие мелочи. Вот они с Гефтером решили назвать свою позицию – «позицией двух ключей». Один из них – политический интерес власти, а другой самые разные, процессуальные и не только нарушения в расследовании дела, в суде и так далее.

С моей точки зрения дело обстоит совсем просто.

Узник совести – это человек, который не нарушил закон. Он лишь воспользовался своим правом, а власть почему-то восприняла это как некую опасность для себя.

Что касается политического заключенного, то это всегда фигура, возникающая в результате наличия «служивого права». В результате зависимости суда от власти, и никогда иначе. Это значит, что есть у этого заключенного собственные политические соображения, политически мотивированные поступки или нет – это совершенно неважно. Он становится политическим заключенным в одном, единственном случае, когда применена неправомерная мотивация, в частности политическая мотивация власти.

Иногда такая мотивация может и не носить политического характера, но здесь для простоты мы не будем эти случаи рассматривать. «Служивый суд» склонен к корыстным мотивам. Вот вам, пожалуйста, такая замечательная и авторитетная организация, как «Amnesty International» отказалась признавать ЮКОСовцев политическими заключенными на том лишь основании, что не очевидны политические мотивы в действиях сотрудников ЮКОСа. Да они и не необходимы! Важны политические мотивы в действиях обвинения и только его.

Как только совершилась в стране «Великая Октябрьская Революция», произошел полный переворот в области судопроизводства. Победила очень откровенная концепция, в которой политические мотивы государства занимали центральную позицию. Это не скрывалось, это было записано, и это было главным соображением, с которым судья шел на заседание, с которым прокурор выдвигал обвинение, и, как это ни печально, с которым выступал адвокат. Все были согласны в одном – «право - это воля господствующего класса, выраженная в форме закона». Отсюда и пошла вся история с нашими политзаключенными.

История эта не кончилась, она и сейчас продолжается в точности так же. То, что Гефтер и Давидис называют «вторым ключом», – совокупность разного рода нарушений, показывающая заведомую неправосудность судебного решения, – вторична, но чрезвычайно важна. Потому что, чаще всего, мы не имеем возможности обнаружить и доказать прямой заказ, прямое указание власти обслуживающему ее суду. Заведомая неправосудность судебного решения всегда, как я полагаю, должна быть поводом для самого тщательного расследования. Этого расследование требуется также запросить у высшей судебной власти тоже, на предмет ревизии неправосудных решений.

Спасибо.

Ведущий (Олег Орлов)

Когда я представлял Сергея Адамовича Ковалева, я забыл сказать, что он бывший политзаключенный, и даже точнее узник совести.

Сергей Адамович Ковалев

- Да, по решению той же самой «Международной Амнистии», которая сейчас блуждает в трех соснах.

Зоя Светова

Прошу прощения, но я хочу уточнить сейчас, так как мне уже пора уходить. Насколько я знаю Ходорковский и Лебедев были признаны «Амнистией» узниками совести?

Фредерике Бэр

- Да, безусловно.

Ведущий (Олег Орлов)

Пожалуйста, давайте продолжим дальше, а Фредерике в своем выступлении обязательно расскажет об этом.